

**К ВОПРОСУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ
ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДОГОВОРНОЙ НЕУСТОЙКИ, НАЧИСЛЯЕМОЙ
ПОСЛЕ ПЕРЕНОСА СРОКОВ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
ПО ДОГОВОРАМ, ЗАКЛЮЧАЕМЫМ В РАМКАХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА**

П. Е. Федоров

Новосибирский государственный университет экономики и управления

**ON THE ISSUE OF THE FAIRNESS
OF THE LEGAL NATURE OF THE CONTRACTUAL PENALTY ACCRUED
AFTER THE POSTPONEMENT OF OBLIGATIONS UNDER CONTRACTS
CONCLUDED UNDER THE STATE DEFENSE ORDER**

P. E. Fedorov

Novosibirsk State University of Economics and Management

Аннотация: статья посвящена анализу правовой природы договорной неустойки, начисляемой за нарушение первоначальных сроков исполнения обязательств в рамках государственного оборонного заказа (ГОЗ), после того как стороны заключили соглашение о их переносе. Автор подвергает критике господствующий в судебной практике формально-юридический подход, основанный на позиции Верховного Суда РФ. Данный подход исходит из того, что обязательство по уплате неустойки, возникшее из факта просрочки, носит самостоятельный характер и не прекращается последующим изменением срока исполнения по правилам п. 3 ст. 453 ГК РФ. Доказывается, что такой подход входит в противоречие с фундаментальными принципами гражданского права: справедливостью, добросовестностью и соразмерностью ответственности. Его применение в специфических правоотношениях ГОЗ, где задержки часто вызваны действиями самого государственного заказчика или объективными внешними факторами, приводит к злоупотреблению правом и создает необоснованное экономическое давление на исполнителей. В качестве альтернативы предлагается внедрение презумпции отказа кредитора от права на неустойку при согласовании переноса срока, если иное прямо не оговорено, а также совершенствование законодательства для учета баланса интересов и экономической целесообразности в сфере оборонно-промышленного комплекса.

Ключевые слова: договорная неустойка, государственный оборонный заказ, перенос сроков исполнения, принцип добросовестности, злоупотребление правом, судебная практика, гражданско-правовая ответственность.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the legal nature of contractual penalties charged for violating the initial deadlines for fulfilling obligations under the state defense order (GOZ), after the parties have concluded an agreement on their postponement. The author criticizes the formal legal approach prevailing in judicial practice, based on the position of the Supreme Court of the Russian Federation. This approach proceeds from the fact that the obligation to pay a penalty arising from the fact of delay is independent and does not terminate with a subsequent change in the deadline according to the rules of paragraph 3 of art. 453 OF the Civil Code OF THE Russian Federation. It is proved that this approach contradicts the fundamental principles of civil law – justice, good faith and proportionality of responsibility. Its use in specific legal relations of the State Defense Order, where delays are often caused by the actions of the state customer himself or objective external factors, leads to

abuse of law and creates unreasonable economic pressure on performers. As an alternative, it is proposed to introduce the presumption of the creditor's waiver of the right to a penalty when agreeing on a postponement, unless otherwise expressly agreed, as well as improving legislation to take into account the balance of interests and economic expediency in the field of the military-industrial complex.

Key words: contractual penalty, state defense order, postponement of deadlines, principle of good faith, abuse of law, judicial practice, civil liability.

Институт договорной неустойки является одним из ключевых инструментов обеспечения исполнения обязательств в гражданском обороте, выполняя одновременно компенсационную, стимулирующую и штрафную функции. Однако его применение в специфических правоотношениях, к примеру, в рамках государственного оборонного заказа (ГОЗ), порождает сложные правовые коллизии, требующие глубокого научного осмысления. Особую актуальность и остроту приобретает вопрос о правовой судьбе неустойки, начисленной за просрочку исполнения, в случае когда стороны впоследствии приходят к соглашению о переносе сроков. Данная ситуация является типичной для сферы ГОЗ, где долгосрочный и технологически сложный характер контрактов, зависимость от бюджетного финансирования и возможность изменения государственным заказчиком тактико-технических заданий объективно обуславливают частые корректировки первоначальных сроков.

Проблема заключается в фундаментальном противоречии между формально-юридическим и экономико-правовым подходами к оценке последствий такой отсрочки. С одной стороны, доминирующая правовая доктрина и судебная практика исходят из того, что просрочка является свершившимся юридическим фактом, порождающим самостоятельное охранительное обязательство по уплате неустойки. Последующее изменение основного обязательства (перенос срока) в силу п. 3 ст. 453 ГК РФ действует на будущее время и само по себе не прекращает уже возникшую ответственность. С другой стороны, такой подход входит в конфликт с принципом справедливости и добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ). Как отмечают А. Г. Лундуп и Д. А. Давудов, взыскание кредитором такой неустойки в том размере, в каком прописано в договоре, не может считаться злоупотреблением права лишь до тех пор, пока это не входит в противоречие с иными обстоятельствами дела, к которым, безуслов-

но, относится последующее волеизъявление самого кредитора¹.

Если государственный заказчик, осознавая объективные причины задержки, соглашается на продление срока, его последующее требование об уплате неустойки за период, который по взаимному согласию сторон перестал считаться периодом просрочки, может расцениваться как злоупотребление правом. Фактически санкция применяется за нарушение, которое де-факто было санировано волей самого кредитора, что превращает неустойку из меры защиты нарушенного права в инструмент экономического давления на более слабую сторону в правоотношении.

Отправной точкой для дискуссии и объектом критического анализа в настоящей статье выступает правовая позиция Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, изложенная в определении от 31 августа 2017 г. № 305-ЭС17-6839 по делу между Министерством обороны РФ и ОАО «НИИ морской теплотехники»². В данном акте Верховный Суд РФ поддержал формальный подход, указав, что соглашение о переносе срока не освобождает исполнителя от обязанности уплатить неустойку за период с момента первоначального нарушения до даты заключения такого соглашения, если иное прямо не предусмотрено сторонами. Эта позиция, ставшая ориентиром для нижестоящих судов, закрепляет приоритет буквального толкования норм над анализом сущности правоотношений и баланса интересов сторон.

Целью настоящей статьи является критический анализ сложившегося положения вещей в правоприменительной практике, а также обоснование тезиса о том, что автоматическое взы-

¹ См.: Лундуп А. Г., Давудов Д. А. Установление договорной неустойки как мера гражданско-правовой ответственности или злоупотребление правом // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 82-4. С. 87.

² См.: URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/456094414?section=text>

скание неустойки за период, предшествующий согласованному переносу сроков, без учета обстоятельств и причин такого переноса, нарушает основополагающие правовые принципы, такие как принципы справедливости и добросовестности. Автор ставит задачу доказать, что в контексте правоотношений по государственному оборонному заказу такой подход является не только экономически неоправданным, но и юридически порочным, требующим пересмотра в пользу более гибкого регулирования, учитывающего реальную волю сторон и объективную природу исполнения долгосрочных оборонных контрактов.

Анализ проблемы сохранения обязанности по уплате неустойки после переноса сроков исполнения требует обращения к фундаментальным категориям гражданского права, таким как правовая природа неустойки, принципы добросовестности и справедливости, а также особенности толкования воли сторон при изменении договора. В науке и практике по данному вопросу сформировались два полярных подхода: формально-юридический, основанный на строгом следовании букве закона, и материально-правовой (или справедливостный), ориентированный на достижение баланса интересов сторон и сущность их соглашения.

1. Формально-юридический подход: неустойка как самостоятельное охранительное обязательство

Позиция, занятая Верховным Судом РФ в деле № 305-ЭС17-6839, является классическим выражением формально-юридического подхода. Его доктринальная основа строится на нескольких ключевых постулатах.

Во-первых, обязательство по уплате неустойки, хотя и является акцессорным по отношению к основному, обладает признаками самостоятельного охранительного обязательства. Оно возникает не из договора как такового, а из сложного юридического состава: наличие договорного условия о неустойке и факт нарушения основного обязательства (просрочка). С момента наступления просрочки у кредитора возникает субъективное право требовать уплаты неустойки, а у должника – корреспондирующая ему обязанность.

Во-вторых, данный подход опирается на буквальное толкование п. 3 ст. 453 ГК РФ, который устанавливает презумпцию перспективного, а не ретроактивного действия соглашения об из-

менении договора. Изменение срока исполнения обязательства прекращает длящееся нарушение (просрочку) лишь на будущее время, оставив дальнейшее начисление пеней. Однако оно не аннулирует сам факт нарушения, имевший место в прошлом, и, следовательно, не прекращает уже возникшее обязательство по уплате неустойки за истекший период. Как справедливо отмечает А. А. Павлов, такое обязательство может быть прекращено лишь по специальным основаниям, предусмотренным гл. 26 ГК РФ, например исполнение, новация или прощение долга (ст. 415 ГК РФ)³.

Такой подход подробно разобран в трудах ведущих цивилистов. Так, А. Г. Карапетов подчеркивает, что обязательство по уплате неустойки носит акцессорный характер и, обладая определенной спецификой, не может быть приравнено к основному гражданско-правовому обязательству. Но при этом оно не теряет своей обязательственной природы⁴. Именно эта автономия позволяет рассматривать его отдельно от судьбы основного обязательства.

В рамках этой логики молчание сторон в дополнительном соглашении о судьбе ранее начисленной неустойки трактуется в пользу ее сохранения. Презумпция прощения долга в российском праве отсутствует; воля кредитора на отказ от своего права должна быть выражена прямо и недвусмысленно.

2. Альтернативный подход: приоритет добросовестности и каузальное толкование воли сторон

Альтернативный, справедливостный подход предлагает иное прочтение правовых норм через призму основополагающих принципов гражданского права.

Центральное место в этой концепции занимает принцип добросовестности (п. 3 ст. 1, ст. 10 ГК РФ). Требование кредитора об уплате неустойки за период, который по его же воле перестал считаться просрочкой, может быть квалифицировано как поведение, противоречащее собственным предшествующим действи-

³ См.: Павлов А. А. Судьба неустойки после продления срока исполнения обязательства. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 31 августа 2017 г. № 305-ЭС17-6839 // Вестник экономического правосудия. 2017. № 11. С. 22.

⁴ См.: Карапетов А. Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2005. С. 38.

ям (*venire contra factum proprium*). Соглашаясь на перенос срока без каких-либо оговорок, кредитор создает у должника разумное ожидание, что первоначальные временные рамки утратили свою актуальность и нарушение, связанное с их несоблюдением, «санировано». Последующее предъявление требования о неустойке нарушает это легитимное ожидание и может рассматриваться как злоупотребление правом, направленное не на компенсацию потерь, а на извлечение дополнительной выгоды из формального нарушения.

А. Г. Лундуп и Д. А. Давудов прямо говорят, что на злоупотребление могут указывать определенные обстоятельства, которые сопутствуют взысканию неустойки. В законе они не раскрываются, поэтому многое зависит от усмотрения суда⁵. Соглашение об отсрочке как раз и является таким ключевым обстоятельством.

Как известно, неустойка является одновременно и мерой ответственности, и способом обеспечения исполнения обязательства. А. Гапанович подчеркивает эту дихотомию, отмечая, что, с одной стороны, неустойка представляет собой способ обеспечения исполнения обязательств, с другой – это отдельная мера гражданско-правовой ответственности⁶. П. А. Кожевникова, проводя сравнительный анализ, также отмечает, что в российском законодательстве неустойка выступает как в роли инструмента обеспечения обязательств, так и формой ответственности⁷. Когда стороны переносят срок, обеспечительная (стимулирующая) функция неустойки по отношению к первоначальному сроку полностью утрачивает смысл.

Как мы видим, обеспечительная функция неустойки подвергается переосмыслению. Ее основная цель – стимулировать должника к своевременному исполнению. Когда стороны по обоюдному согласию устанавливают новый, реалистичный срок, потребность в принуждении к исполнению в старые сроки отпадает. Сохранение санкции за прошлое нарушение, которое более

не признается сторонами критичным, лишает неустойку ее стимулирующей и компенсационной функции, оставляя лишь карательную. Если кредитор не понес реальных убытков от задержки (о чем косвенно свидетельствует его согласие на отсрочку), взыскание неустойки превращается в неэквивалентное предоставление, близкое по своей природе к неосновательному обогащению.

Наконец, предлагается иное толкование п. 3 ст. 453 ГК РФ. Хотя норма устанавливает общее правило о перспективном действии изменений, она диспозитивна («если иное не вытекает из соглашения или характера изменения договора»). Характер такого изменения, как перенос срока, заключается в том, что стороны заново определяют, что является надлежащим исполнением.

Экономический смысл санкций за нарушение договора состоит в фиксации потерь и освобождении ресурсов для дальнейшей деятельности. Как пишет Ю. Э. Монастырский, основная цель санкций в виде досрочного прерывания отношений заключается в снятии бремени обязательств со сторон контракта с резервированием права взыскивать утраченное и неполученное⁸. Закрывая дополнительное соглашение о переносе срока, стороны делают прямо противоположное: они не прерывают отношения, а наоборот, подтверждают намерение довести их до логического завершения. Их воля направлена не на фиксацию потерь от состоявшегося нарушения, а на санацию этого нарушения ради достижения конечной цели – исполнения основного обязательства. При таком положении вещей последующее требование неустойки за прошлое противоречит самой экономической цели соглашения об отсрочке.

Таким образом, исполнение, предоставленное в новый срок, должно считаться надлежащим, а не совершенным с нарушением. В связи с этим более справедливой представляется презумпция молчаливого прощения долга по неустойке. Если кредитор, обладая всей полной информацией и, как правило, более сильной переговорной позицией, желал сохранить за собой право на взыскание санкций, он должен был прямо оговорить это в дополнительном соглашении. Его молчание следует толковать против

⁵ См.: Лундуп А. Г., Давудов Д. А. Указ. соч. С. 88.

⁶ См.: Гапанович А. О характере неустойки по государственному (муниципальному) контракту: коллизии законодательства // *Хозяйство и право*. 2016. № 4 (471). С. 113.

⁷ См.: Кожевникова П. А. Неустойка как форма договорной ответственности по законодательству России и Китая // *Тенденции развития науки и образования*. 2021. № 75-3. С. 46.

⁸ См.: Монастырский Ю. Э. Законодательная концепция гражданско-правовых последствий прекращения договоров: достоинства и недостатки // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2023. № 7. С. 79.

него, в пользу освобождения должника от ответственности.

3. Специфика государственного оборонного заказа как основание для особого подхода

Применение формально-юридической модели в сфере ГОЗ оказывается особенно несправедливым и экономически нецелесообразным. Данная сфера характеризуется рядом особенностей, которые должны учитываться правоприменителем:

– государственный заказчик выступает в роли «сильной» стороны, диктующей условия контракта, в то время как исполнитель (часто единственно возможный) вынужден их принимать. При таком положении вещей наблюдается явная асимметрия переговорных возможностей сторон правоотношений по выполнению ГОЗ;

– в отличие от стандартных коммерческих договоров, задержки в ГОЗ часто вызваны не виной исполнителя, а действиями самого заказчика (несвоевременное предоставление исходных данных, изменение тактико-технического задания) или объективными внешними факторами (санкционные ограничения, необходимость импортозамещения, сбои в цепочках кооперации);

– целью ГОЗ является обеспечение обороноспособности страны (публичный интерес), а не фискальное пополнение бюджета за счет штрафов. Наложение на стратегически важные предприятия оборонно-промышленного комплекса значительных неустоек за задержки, которые были впоследствии согласованы, подрывает их финансовую устойчивость и, в конечном счете, вредит публичным интересам.

В таких условиях применение презумпции сохранения неустойки без анализа причин переноса срока противоречит не только принципу справедливости, но и здравому экономическому смыслу. Гибкий подход, основанный на анализе причин переноса срока и презумпции отказа от санкций при отсутствии явной оговорки об их сохранении, в большей степени соответствует специфике и целям правоотношений в рамках государственного оборонного заказа.

Теоретические постулаты о правовой судьбе неустойки при изменении сроков обязательства находят свое прямое и во многом безальтернативное отражение в современной судебной практике. Анализ ключевых судебных актов последних лет, особенно в сфере государственного оборонного заказа, позволяет констатировать

полное доминирование формально-юридического подхода, закрепленного высшей судебной инстанцией. Справедливые, ориентированные на каузу договора решения практически не встречаются, а механизмы защиты исполнителей оказываются крайне ограниченными.

3.1. Парадигма Верховного Суда РФ и ее имплементация в практике арбитражных судов

Основополагающим актом, сформировавшим единообразную и жесткую правоприменительную модель, является определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 31 августа 2017 г. № 305-ЭС17-6839 по делу № А40-14774/2016⁹ (Минобороны России против «НИИ морской теплотехники»). В данном деле, ставшем объектом нашего анализа, Верховный Суд РФ четко сформулировал позицию, которая легла в основу сотен последующих решений:

1) обязательство по уплате неустойки возникает из факта нарушения первоначального срока;

2) дополнительное соглашение о переносе срока в силу п. 3 ст. 453 ГК РФ действует перспективно, т. е. на будущее;

3) такое соглашение не прекращает уже возникшее охранительное обязательство по уплате неустойки за прошлый период;

4) освобождение от ответственности должно быть прямо и недвусмысленно оговорено в дополнительном соглашении; молчание сторон трактуется в пользу сохранения санкций.

Эта правовая позиция стала непреложным руководством для нижестоящих судов. Показательным примером является постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 ноября 2023 г. № Ф05-27815/23 по делу № А40-265009/2022¹⁰ (ГК «Роскосмос» против АО «ЦЭНКИ»). Головной исполнитель допустил просрочку по этапу госконтракта, после чего стороны подписали дополнительное соглашение, которым изменили срок окончания работ. Суд, взыскивая неустойку, дословно воспроизвел логику ВС РФ, указав, что «поскольку срок исполнения обязательства <...> был изменен сторонами после наступления первоначального установленного сторонами срока исполнения

⁹ См.: URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-31082017-po-delu-n-305-es17-6839-a40-147742016/>

¹⁰ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обязательств, у Головного исполнителя с этого момента до даты заключения дополнительного соглашения <...> имеется просрочка исполнения обязательств, освобождение же ответчика от уплаты неустойки за период <...> не следует».

Аналогичный подход демонстрируется и в других округах. В постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 1 декабря 2022 г. № Ф02-6092/22 по делу № А33-13756/2016¹¹ (Минобороны России против ФГУП «ГВСУ № 9») суд кассационной инстанции прямо указал: «сам по себе факт заключения сторонами дополнительно соглашения <...>, которым стороны изменили сроки исполнения обязательств, не исключает возможности применения <...> мер гражданско-правовой ответственности за нарушение сроков выполнения работ».

Таким образом, сформировалась устойчивая практика: суды не анализируют причины переноса срока (были ли они объективны, вызваны ли действиями заказчика) и не толкуют волю сторон, исходя из экономической цели соглашения об отсрочке. Наличие формального нарушения в прошлом и отсутствие в допсоглашении «волшебной фразы» об освобождении от ответственности автоматически влечет взыскание неустойки.

3.2. Пределы защиты исполнителя: доказывание вины кредитора и снижение неустойки по ст. 333 ГК РФ

В условиях доминирования формального подхода у исполнителей по госконтрактам остается ограниченный инструментарий для защиты. Практика показывает, что суды могут отказать во взыскании неустойки не на основании толкования соглашения об отсрочке, а лишь при доказанности вины самого государственного заказчика в возникновении просрочки (ст. 404, 406 ГК РФ) или при наличии оснований для снижения неустойки (ст. 333 ГК РФ).

Чрезвычайно показательным в этом контексте является постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 3 ноября 2023 г. № Ф02-5608/23 по делу № А33-13756/2016¹² (спор тех же Минобороны России и ФГУП «ГВСУ № 9», но по другому контракту). В этом деле конкурсный управляющий должника-исполнителя приводил целый ряд аргументов, характерных для

сферы ГОЗ: просрочка возникла по вине заказчика, который не предоставил вовремя документы, неоднократно вносил изменения в ТЗ и не содействовал в решении проблем. Эти обстоятельства, по его мнению, и стали причиной заключения допсоглашения о переносе сроков.

Однако суд апелляционной инстанции, чьи выводы поддержала кассация, отверг эти доводы как основание для полного освобождения от ответственности, вновь сославшись на формальную логику ст. 453 ГК РФ. Вместе с тем суд счел возможным существенно снизить размер неустойки на основании ст. 333 ГК РФ, приняв во внимание «конкретные обстоятельства спора, <...> поведение сторон контракта, которые предпринимали меры к урегулированию вопросов, связанных с нарушением сроков».

Этот кейс вскрывает всю несправедливость сложившейся системы:

1) даже при наличии объективных причин задержки, фактически признанных заказчиком путем подписания допсоглашения, исполнитель всё равно признается нарушителем;

2) единственным его спасением становится институт ст. 333 ГК РФ, который носит оценочный характер и не гарантирует полного освобождения от финансового бремени;

3) вместо того чтобы признать, что соглашение об отсрочке «санировало» прошлое нарушение, система заставляет исполнителя нести ответственность, а затем в отдельном порядке доказывать ее несоразмерность. Это превращает неустойку из меры защиты права в инструмент давления и источник судебных споров.

Таким образом, анализ реальной судебной практики полностью подтверждает основной тезис статьи. Подход, закрепленный ВС РФ, носит сугубо формальный характер и при его применении в специфических условиях государственного оборонного заказа приводит к нарушению баланса интересов сторон, игнорированию экономической сущности их действий и возложению на исполнителей чрезмерного бремени ответственности даже при наличии объективных причин для переноса сроков.

Судебная практика, последовательно применяющая формально-юридический подход к судьбе неустойки при переносе сроков, вызывает многогранную дискуссию в правовой доктрине. Позиция Верховного Суда РФ, основанная на буквальном толковании п. 3 ст. 453 ГК РФ, становится объектом критического осмысления через

¹¹ См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² См.: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Mv2wvQGB3FNq/>

призму фундаментальных принципов гражданского права, исторического развития института неустойки и специфики регулируемых отношений. В научном сообществе сформировались полярные взгляды, столкновение которых позволяет выявить глубинные противоречия современного правоприменения.

4. Столкновение подходов в цивилистической науке: догма против телеологии

Сторонники доминирующего судебного подхода, такие как А. А. Павлов, строят свою аргументацию на строгой цивилистической догматике. Ключевой тезис заключается в том, что обязательство по уплате неустойки является самостоятельным охранительным обязательством, которое возникает из юридического факта – просрочки исполнения. Как отмечает автор, «последующее дополнительное соглашение <...> имело исключительно перспективный характер. Изменяя срок исполнения обязательства, это соглашение прекратило просрочку на будущее время, тем самым остановив дальнейшее начисление неустойки. Однако оно не аннулировало сам факт этой просрочки»¹⁵.

Этот взгляд находит подтверждение в классических трудах по договорному праву. Так, В. В. Витрянский, анализируя общие положения об изменении договора, подчеркивает, что по общему правилу оно влечет изменение обязательств «лишь на будущее время и не освобождает стороны от ответственности за нарушение обязательств, возникших до такого изменения»¹⁴. В рамках этой концепции соглашение об отсрочке – это акт, останавливающий лишь «счетчик» пеней, но не затрагивающий уже возникшее право кредитора на их взыскание за прошлый период.

Однако такой формализм подвергается критике со стороны представителей школы экономического анализа права и сторонников телеологического (целевого) толкования норм. Наиболее последовательно эта позиция выражена в работах А. Г. Карапетова, который утверждает, что при переносе срока «ретроактивность, видимо, должна подразумеваться, как минимум если договор не носит длящийся характер <...> В обратном случае просто соглашение окажется

бессмысленным. По сути, такое соглашение будет равнозначно освобождению нарушителя от ответственности»¹⁵. С точки зрения этого подхода, заключая дополнительное соглашение о переносе срока, стороны де-факто признают исполнение в новый срок надлежащим. Прежнее нарушение «санируется» их общей волей, и последующее требование об уплате неустойки входит в противоречие с принципом добросовестности. Эта идея справедливости уходит корнями вглубь истории права. Еще классик дореволюционной юриспруденции М. Я. Пергамент, анализируя римское право, отмечал недопустимость двойного взыскания, цитируя Ульпиана: «несправедливо ведь и владеть человеком, и взыскивать неустойку [за его невыдачу]»¹⁶. Таким образом, идея о том, что кредитор не может одновременно и санировать нарушение (согласившись на новый срок), и наказывать за него, имеет глубокие исторические и этические основания.

4.1. «Здравый смысл» против «правового абсурда» в контексте гособоронзаказа

Особенно остро это доктринальное противоречие проявляется в сфере ГОЗ. Здесь формально-юридический подход, игнорирующий реальные экономические отношения, рискует дойти до того, что В. И. Попов называет «правовым абсурдом» – состоянием, когда правовое решение противоречит законам здравого смысла и логики. Как отмечает автор, «юридический абсурд есть не что иное, как отрицание или выход за пределы правовых смыслов, правовых закономерностей»¹⁷. Здравый смысл подсказывает, что если государственный заказчик, который часто сам является причиной задержки (изменение ТЗ, задержки финансирования), подписывает соглашение о переносе сроков, он тем самым признает эти причины уважительными. Разумное ожидание исполнителя в такой ситуации заключается в том, что вопрос о санкциях за период до отсрочки закрыт.

¹⁵ Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 325.

¹⁶ Пергамент М. Я. Договорная неустойка и интерес в римском и современном гражданском праве. 2-е изд. М. : Изд. книж. магазина И. К. Голубева под фирмой «Правоведение» : Типо-литография И. И. Пашкова, 1905. XII, [2]. С. 340.

¹⁷ Попов В. И. Теоретико-прикладные аспекты категорий «здравый смысл» и «абсурд» в праве // Современное право. 2024. № 1. С. 29.

¹⁵ Павлов А. А. Указ. соч. С. 23.

¹⁴ Кодификация российского частного права / В. В. Витрянский, Б. М. Гонгало, Е. А. Суханова, В. Ф. Яковлева [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2017. С. 127.

Однако текущая практика создает абсурдную ситуацию: заказчик, по сути спровоцировавший задержку, сначала соглашается на ее «легализацию», а затем использует эту же задержку как повод для взыскания неустойки. Такое поведение превращает неустойку из компенсационного механизма, который, по мысли советского правоведа К. А. Граве, «выступает как способ предварительного расчета возможных при нарушении договора убытков»¹⁸, в инструмент недобросовестного обогащения.

Подобная практика создает колоссальные риски для исполнителей ГОЗ. Как показывает международный опыт, например в Малайзии, где широко применяются иски о продлении срока (ЕОТ), «подрядчики обязаны предоставлять разумные доказательства для обоснования своего требования ЕОТ»¹⁹. Российский исполнитель оказывается в худшем положении: даже если он докажет объективность причин и добьется переноса срока, он всё равно остается под угрозой санкций. Это подрывает сами основы договорной дисциплины, превращая неустойку из «гражданского наказания», которое, по мнению Д. И. Мейера, требует наличия «понятия виновности» в инструмент объективного вменения²⁰.

4.2. Доктринальные альтернативы и пути совершенствования правоприменения

Для восстановления баланса интересов и возврата к «здравому смыслу» необходимо пересмотреть существующие подходы.

Первым шагом могло бы стать введение презумпции отказа кредитора от неустойки при согласовании переноса срока. Исторический сравнительный анализ дает для этого весомые основания. Так, еще Гражданское уложение Германской Империи 1898 г. в ч. 3 ст. 341 прямо устанавливало: «Если кредиторъ принялъ исполненіе, то онъ можетъ потребовать уплаты неустойки въ томъ только случаѣ, если онъ при принятіи выговорилъ себѣ право на это»²¹. Принятие исполнения в новый, согласован-

ный сторонами срок по своей сути аналогично принятию исполнения как такового. Этот подход перекликается с современными международными тенденциями. В частности, принцип *Nachfrist* (дополнительный срок для исполнения), закрепленный в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (CISG), направлен, как отмечают зарубежные исследователи, на то, чтобы «помочь предприятиям улучшить свои юридические знания и ограничить риски в международной коммерческой деятельности», а не на создание дополнительных ловушек для них²².

Вторым направлением должен стать обязательный учет причин переноса срока. Если задержка вызвана действиями или бездействием самого заказчика, его требование о неустойке должно квалифицироваться как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ). Даже в странах общего права, как показывает австралийский опыт, суды отходят от жесткого формализма, пересматривая доктрину штрафных санкций, поскольку «нарушение договора больше не является необходимым условием для применения доктрины о неустойке», что свидетельствует о глобальной тенденции к оценке существа отношений, а не их формы²³.

В заключение следует отметить, что доктринально оправданным и соответствующим принципу добросовестности является признание того, что соглашение о переносе срока исполнения обязательства по госконтракту должно толковаться как включающее в себя молчаливое согласие заказчика на прекращение неустоечного обязательства, если стороны прямо не оговорили иное. Такой подход соответствует не только сущности их волеизъявления, но и «двойственной природе неустойки», которая является как мерой ответственности, так и «способом обеспечения исполнения обязательств»²⁴. Когда исполнение перенесено по взаимному согласию, обеспечительная и стимулирующая функции неустойки исчерпывают себя, а карательная становится проявлением правового абсурда, подрыв-

¹⁸ Граве К. А. Публикация : договорная неустойка в советском праве. М., 1950. С. 15.

¹⁹ Aminuddin F., Ch'ng W. T., Ismail A. S. INTREST – International Journal of Real Estate Studies 18:2 (2024), 103–119.

²⁰ Мейер Д. И. Русское гражданское право : курс лекций. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021. 846 с. (Классика российской цивилистики). С. 334.

²¹ Гражданское уложение Германской империи : пер. с нем. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1898. XVI. С. 71.

²² См.: Hoang N. T., Anh N. N. C., Ly T. N. T. Extension for contract performance under the CISG 1980 and implications for Vietnamese businesses. Sci. Tech. Dev. J. – Eco. LawManag.; 6(2):2689–2700.

²³ См.: Manly Richard James. Breach No Longer Necessary The High Court's Reconsideration of the Penalty Doctrine. (2013) 41 ABLR 314. P. 314–336.

²⁴ Гапанович А. Указ. соч. С. 115.

вающего экономические основы оборонно-промышленного комплекса.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что сложившаяся правоприменительная практика, основанная на формально-юридической позиции Верховного Суда РФ, нуждается в серьезном переосмыслении.

Требование уплаты неустойки за период до переноса срока, без учета причин просрочки и реальной воли сторон, выраженной в дополнительном соглашении, систематически нарушает баланс интересов в госконтрактах. Такой подход входит в фундаментальное противоречие с принципами справедливости, соразмерности ответственности и добросовестности (ст. 1, 10, 333 ГК РФ). Он игнорирует тот факт, что в сфере ГОЗ перенос сроков часто является объективной необходимостью, вызванной действиями самого государственного заказчика, и превращает неустойку из меры защиты нарушенного права в карательный инструмент, а порой и в способ недобросовестного обогащения. Взыскание санкций за нарушение, которое де-факто было санировано волей кредитора, создает ситуацию правового абсурда, противоречащую здравому смыслу и экономическим целям контрактной системы.

В связи с этим назрела насущная необходимость в корректировке существующих подходов как на уровне судебного толкования, так и на законодательном уровне.

В рамках действующего права судебной практике, особенно при рассмотрении споров, вытекающих из гособоронзаказа, целесообразно отойти от формального применения п. 3 ст. 453 ГК РФ в пользу более гибкого толкования, основанного на системном анализе норм и принципов права. Судам следует закрепить презумпцию отказа кредитора от права на взыскание неустойки за прошлый период при подписании соглашения о переносе срока, если иное прямо не следует из содержания такого соглашения. Бремя доказывания намерения сохранить санкции должно быть возложено на государственно-заказчика как на сильную сторону договора.

С точки зрения будущего законодательства для устранения правовой неопределенности и обеспечения стабильности оборота представляется оправданным внесение уточнений в ст. 453 ГК РФ. Пункт 3 указанной статьи можно было бы дополнить положением, согласно которому изменение договора прекращает возникшие из

факта нарушения обязательства по уплате неустойки, если иное прямо не оговорено сторонами или не вытекает из характера нарушения и принципа добросовестности.

Дальнейшие научные исследования по данной теме могли бы быть направлены на изучение нескольких аспектов. Во-первых, требуется глубокого сравнительно-правового анализа опыт зарубежных стран, чьи правовые системы сталкивались с аналогичными коллизиями в сфере государственных контрактов. Во-вторых, перспективным является экономико-правовой анализ последствий текущей судебной практики – оценка ее влияния на ценообразование в сфере ГОЗ, финансовую устойчивость предприятий ОПК и общую эффективность исполнения государственных программ. Наконец, отдельного изучения заслуживает вопрос о разработке специальных норм, регулирующих последствия изменения госконтрактов, которые могли бы быть инкорпорированы непосредственно в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе».

Таким образом, пересмотр текущего подхода является не только вопросом доктринальной чистоты, но и насущной необходимостью для гармонизации правоотношений в стратегически важной для государства сфере, обеспечения справедливости и стимулирования добросовестного исполнения долгосрочных и сложных контрактов.

Библиографический список

Гапанович А. О характере неустойки по государственному (муниципальному) контракту : коллизии законодательства // *Хозяйство и право.* 2016. № 4 (471). С. 113–122.

Граве К. А. Публикация : договорная неустойка в советском праве. М., 1950.

Гражданское уложение Германской империи : пер. с нем. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1898. XVI. 506 с.

Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1425 с.

Карапетов А. Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М. : Статут, 2005. 284 с.

Кодификация российского частного права / В. В. Витрянский, Б. М. Гонгалло, Е. А. Суханова, В. Ф. Яковлева [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2017. 334 с.

Кожевникова П. А. Неустойка как форма договорной ответственности по законодательству России и Китая // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 75-3. С. 46–50.

Лундуп А. Г., Давудов Д. А. Установление договорной неустойки как мера гражданско-правовой ответственности или злоупотребление правом // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 82-4. С. 86–90.

Мейер Д. И. Русское гражданское право : курс лекций. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021. 846 с. (Классика российской цивилистики).

Монастырский Ю. Э. Законодательная концепция гражданско-правовых последствий прекращения договоров : достоинства и недостатки // Законы России : опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 79–93.

Павлов А. А. Судьба неустойки после продления срока исполнения обязательства. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 31 августа 2017 г. № 305-ЭС17-6839 // Вестник экономического правосудия. 2017. № 11. С. 22–24.

Пергамент М. Я. Договорная неустойка и интерес в римском и современном гражданском праве. 2-е изд. М. : Изд. книж. магазина И. К. Голубева под фирмой «Правоведение» : Типо-литография И. И. Пашкова, 1905. XII, [2]. 354 с.

Попов В. И. Теоретико-прикладные аспекты категорий «здравый смысл» и «абсурд» в праве // Современное право. 2024. № 1. С. 28–40.

Aminuddin F., Ch'ng W. T., Ismail A. S. INTREST – International Journal of Real Estate Studies 18:2 (2024), 103–119.

Hoang N. T., Anh N. N. C., Ly T. N. T. Extension for contract performance under the CISG 1980 and implications for Vietnamese businesses. Sci. Tech. Dev. J. - Eco. LawManag.; 6(2):2689–2700.

Manly Richard James. Breach No Longer Necessary The High Court's Reconsideration of the Penalty Doctrine. (2013) 41 ABLR 314. P. 314–336.

References

Gapanovich A. On the nature of penalties under a state (municipal) contract : conflicts of legislation // Economy and law. 2016. № 4 (471). P. 113–122.

Grave K. A. Publication : Contractual penalty in Soviet law. Moscow, 1950.

The Civil Code of the German Empire : Translated from German. St. Petersburg : Type. State University, 1898. XVI, 506 p.

Contract law (general part) : article-by-article commentary to Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by A. G. Karapetov. Moscow : M-Logos, 2020. 1425 p.

Karapetov A. G. Penalty as a means of protecting creditor's rights in Russian and foreign law. Moscow : Statute, 2005. 284 p.

Codification of Russian private law / V. V. Vitriansky, B. M. Gongalo, E. A. Sukhanova, V. F. Yakovleva [and others] ; ed. by P. V. Krashennnikov. Moscow, 2017. 334 p.

Kozhevnikova P. A. Penalty as a form of contractual liability under the laws of Russia and China // Trends in the development of science and education. 2021. No. 75-3. P. 46–50.

Lundup A. G., Davudov D. A. The establishment of contractual penalties as a measure of civil liability or abuse of law // Trends in the development of science and education. 2022. No. 82-4. P. 86–90.

Meyer D. I. Russian civil law : a course of lectures. 4th revised and expanded edition. Moscow : Statute, 2021. 846 p. (Classics of Russian Civics).

Monastyrsky Yu. The legislative concept of the civil consequences of termination of contracts : advantages and disadvantages // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2023. No. 7. P. 79–93.

Pavlov A. A. The fate of the penalty after the extension of the term of the obligation. Protocol to the submission of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/31/2017 N 305-C17-6839 // Western Justice. 2017. No. 11. P. 22–24.

Parchment M. Ya. Contractual penalty and interest in Roman and modern civil law (2nd edition). Moscow : Ed. of the I. K. Golubev bookstore under the firm «Pravovedenie» : Typograph by I. I. Pashkov, 1905, XII, [2], 354 p.

Popov V. I. Theoretical and applied research of the categories «healthy sense» and «confidence» in the state // Modern Law. 2024. No. 1. P. 28–40.

Aminuddin F., Ch'ng W. T., Ismail A. S. INTREST – International Journal of Real Estate Studies 18:2 (2024), 103–119.

Hoang N. T., Anh N. N. C., Ly T. N. T. Extension for contract performance under the CISG 1980 and implications for Vietnamese businesses. Sci. Tech. Dev. J. - Eco. LawManag.; 6(2):2689–2700.

Manly Richard James. Breach No Longer Necessary The High Court's Reconsideration of the Penalty Doctrine. (2013) 41 ABLR 314. P. 314–336.

П. Е. Федоров

К вопросу о справедливости правовой природы договорной неустойки, начисляемой после переноса сроков...

Новосибирский государственный университет
экономики и управления

Федоров П. Е., старший преподаватель кафе-
дры административного финансового и корпора-
тивного права

E-mail: pavel.evg.fedorov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 01.10.2025

Для цитирования:

Федоров П. Е. К вопросу о справедливости право-
вой природы договорной неустойки, начисляемой
после переноса сроков исполнения обязательств по
договорам, заключаемым в рамках государственно-
го оборонного заказа // Вестник Воронежского го-
сударственного университета. Серия: Право. 2026.
№ 1 (64). С. 106–116. DOI: [https://doi.org/10.17308/
law/1995-5502/2026/1/106-116](https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/106-116)

Novosibirsk State University of Economics and
Management

Fedorov P. E., Senior Lecturer of the Department
of Administrative, Financial and Corporate Law

E-mail: pavel.evg.fedorov@yandex.ru

Received: 01.10.2025

For citation:

Fedorov P. E. On the issue of the fairness of the
legal nature of the contractual penalty accrued after
the postponement of obligations under contracts con-
cluded under the state defense order // Proceedings
of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 1
(64). P. 106–116. DOI: [https://doi.org/10.17308/
law/1995-5502/2026/1/106-116](https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/106-116)